

Читайте в серии!

Звёздочка моя!

•

Четверо детей и чудище

•

Девчонки и любовь

•

Девчонки и мода

•

Девчонки и прогулки
допоздна

•

Девчонки и слёзы

•

Всё самое плохое о моей
сестре

•

История Трейси Бикер

•

Опасная игра

•

Трейси Бикер –
суперзвезда!

•

Лили сама по себе

•

Моя сестра Джоди

ЖАКЛИН ЖУЛСОН

Моя сестра
Джоди

Мировой бестселлер для девочек

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
У36

Jacqueline Wilson

MY SISTER JODIE

Text copyright © Jacqueline Wilson, 2009
This edition is published by arrangement with David Higham
Associates Ltd. and Synopsis Literary Agency.

Оформление серии *Галины Булгаковой*

Иллюстрация на обложке *Валентины Яскиной*

Иллюстрации *Виктории Тимофеевой*

Уилсон, Жаклин.

У36   Моя сестра Джоди : [повесть] / Жаклин Уилсон ; [пер. с англ. К.И. Молькова]. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Жаклин Уилсон. Мировой бестселлер для девочек).

ISBN 978-5-699-80778-9

Самостоятельная, яркая, веселая Джоди всегда была тихоне Перл идеальной старшей сестрой, настоящим кумиром и образцом для подражания. Но для родителей, оказывается, гораздо ценней другие качества. Им бы хотелось, чтобы Джоди стала послушней, лучше училась и не дерзила. И не влияла дурно на Перл. Может, переезд в другое место и учеба в пафосном колледже помогут Джоди образумиться? Да и Перл это пойдет на пользу, она ведь настоящему любит учиться. Итак, решено — семья едет в Мельчестер Колледж! Новый город, новый дом и новая школа! А еще новые друзья. Но все ли смогут ими обзавестись?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Мольков К.И., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80778-9

ГЛАВА 1

Джоди. Это было самое первое слово, которое я сказала в своей жизни. Большинство детей первым делом лепечут «мама», «папа», «пить» или «мишка». Возможно, каждый ребенок самым первым называет то, что больше всего любит. Я сказала *Джоди*. Моя сестра. Ну ладно, на самом деле я сказала *Доди*, потому что не могла еще справиться с «дж», но точно знала, что я имею в виду.

С ее имени начиналось мое каждое новое утро.

— Джоди? Джоди! Просыпайся. Пожалуйста, просыпайся!

Разбудить ее утром — дело почти безнадежное. Сама-то я просыпаюсь рано, в шесть часов, иногда и раньше. Когда я была маленькой, я возилась в своей кровати, чтобы отыскать трех своих «ночных» медвежат, а затем устраивала им утреннюю пробежку вверх и вниз по моему одеялу. Я поднимала коленки, и медвежата взбирались по ним вверх, а затем скатывались вниз как с горки. Потом медвежата усаживались, зарывшись глубже в одеяло, и начинали с удовольствием завтракать воображаемой овсянкой.

Мне так рано съесть что-нибудь не позволялось. Мне даже вставать не разрешали. Хорошо стало, когда я начала читать. Иногда до звонка будильника я успевала прочитать целую книжку. Затем я лежала, глядя в потолок

и придумывая разные истории. Так я ждала, насколько хватало сил, а затем забиралась в постель к Джоди и, шепча ее имя и слегка тряся сестру, начинала рассказывать ей свою новую историю. Мои истории всегда были про двух сестер. Они, эти сестры, вместе попадали сквозь платяной шкаф в волшебную страну, или поступали в театральную школу и становились знаменитыми актрисами, или отправлялись на бал в великолепных длинных платьях и танцевали там в своих хрустальных туфельках.

Как я уже говорила, разбудить Джоди утром ох как непросто. Ночью она словно проваливается в глубокий темный туннель, и ей нужна целая вечность, чтобы выбраться из него назад, на поверхность. Но вот наконец она приоткрывает один глаз и тут же машинально обнимает меня. Я прижимаюсь к Джоди и продолжаю свой рассказ. Время от времени мне приходится подталкивать ее локтем и спрашивать:

— Ты уже совсем проснулась, правда, Джоди?

— Я не сплю, — бормочет она в ответ, но я продолжаю легонько толкать ее, чтобы убедиться, что так оно и есть.

А когда Джоди в самом деле просыпается, она иногда начинает рассказывать свою историю, например, о том, как две сестры, словно две королевы, вдвоем правят волшебной страной, и ежедневно выступают в своей телевизионной мыльной опере, и весь вечер, до самой полночи, танцуют на балу. Друг с другом.

У Джоди истории всегда получаются намного лучше моих. Я уговаривала, умоляла ее записывать их, но Джоди и слышать об этом не желала.

— Давай-ка лучше *ты* записывай их для меня, — сказала она. — Это же ты у нас хочешь стать писательницей, а не я.

Да, это правда, я хотела сочинять свои собственные истории. И сама же их иллюстрировать.

— Если хочешь, я буду помогать тебе с темами, — предложила Джоди. — А еще ты можешь сделать все рисунки, а я их раскрашу.

— Если только ты будешь делать это аккуратно и правильными красками, — сразу предупредила я, потому что Джоди иногда может раскрасить лица зеленым, а волосы сделать синими. Просто так, потому что это прикольно.

— О'кей, мисс Привереда, — согласилась Джоди. — Я тебе помогу, но только это вовсе не то, чего мне хочется по-настоящему. Я хочу стать актрисой, вот чего я хочу на самом деле. Представляешь, я стою на сцене, кругом горят огни, и все смотрят на меня и слушают, боясь пропустить хоть одно мое слово!

— Может быть, из какой-нибудь моей истории можно будет сделать пьесу, и ты сыграешь в ней главную роль.

— Да, и это будет бешеный успех, и мне предложат миллион миллионов за то, чтобы я снималась в фильмах, и мы с тобой будем жить в большом-большом особняке, — подхватила Джоди.

— А на что он похож, этот особняк? — спросила я. — У него есть башня? А можно, наша комната будет наверху той башни?

— Там все комнаты будут нашими, но, конечно, мы устроим одну особую комнату на самой вершине башни, только я не позволю тебе отращивать слишком длинные волосы, — она откинула в сторону одну из моих косичек. — Не хочу, чтобы ты вывешивала их из окна и позволяла забираться по ним в башню всяким злым старым ведьмам.

Тут Джоди толкнула меня в бок локтем. В последнее время Джоди часто спорила и ругалась с нашей мамой. Она часто называла ее ведьмой — и даже хуже (но это только себе под нос).

— Не волнуйся. Мои косички всегда будут аккуратно связаны. Ведьмам вход запрещен, — ответила я, хихикая. Правда, при этом мне было чуточку жаль маму.

— А как насчет прекрасных принцев?

— Вот это уж точно нет, — заверила я. — В Особняке с башней будем только мы с тобой и станем там жить вдвоем. Долго и счастливо.

Это было нашим обычным дурачеством, утренней игрой, хотя я относилась к ней серьезнее, чем Джоди. Я нарисовала наш воображаемый особняк без передней стены, наподобие кукольного домика, чтобы можно было изобразить каждую комнату. В них я нарисовала для нас с Джоди огромный черный плюшевый диван с двумя сидящими по его краям большими игрушечными черными пумами. Еще там были две настоящие черные кошки, которые лакали молоко из блюдец на кухне, и два живых, свернувшихся в своей корзинке, пуделя, и два черных пони, щипавших траву в загоне, устроенном позади нашего розария. Каждую розу в нем я раскрасила очень аккуратно, по отдельности, сделав одну темно-красной, другую просто красной, персиковой, очень бледно-розовой, желтой и белой. Я даже попыталась нарисовать отдельно каждую травинку и пыхтела над ними полчаса, пока у меня рука не заболела.

Еще я нарисовала нам кровать с балдахином с красными бархатными занавесками и рубиновую люстру, а одну из стен у меня целиком занял телевизионный экран. Еще у нас в подвале особняка был выложенный изумрудной плиткой бассейн (в нем плавали два ручных дельфина) и садик на крыше между башнями, где среди веток цветущих деревьев порхали дрозды и жаворонки.

В библиотеке я крошечными буквами написала на корешках название каждой книги и нарисовала каждую баночку и тарелку на кухонных полках. Я подарила нам с Джоди комнату для игр с батутом и трапецией, с музыкальным автоматом и одной из тех машинок, из которых с помощью специального приспособления можно выуживать маленьких плюшевых медвежат. Маленьких медвежат всех цветов радуги я тоже нарисовала, и еще полку с большими медведями в нашей с Джоди спальне, и еще полку со старомодными куклами, у которых настоящие волосы и стеклянные глаза, а еще прекрасного коня-качалку, достаточно большого, чтобы на нем можно было усесться вдвоем.

О нашем особняке я говорила с Джоди так, словно мы в самом деле со временем будем в нем жить. Порой я настолько живо представляла себе этот дом, что он казался мне настоящим. Я даже знала, где он стоит и как к нему попасть — для этого я просто должна вычислить, по какой дороге нужно выйти из города, затем завернуть за угол — и сразу увидишь башню особняка. Я увижу его, и вбегу сквозь красивые железные кованые ворота, и поднимусь по крыльцу к парадной двери с висящим на ней молоточком в виде львиной головы. Но стучать я не стану — я знаю, где нажать на львиную морду пальцем, чтобы дверь тут же распахнулась, и тогда я войду внутрь и увижу Джоди, которая уже здесь и ждет меня.

Нет, я не была настолько глупой, я знала, что Особняк с башней — выдумка, но мне на это было совершенно наплевать.

А затем настало утро, когда за завтраком все изменилось. Буквально все. Я сидела за кухонным столом и обкусывала сэндвич с медом. Я любила разлеплять сэндвич и слизывать мед, чувствуя, как он растекается у меня по языку, но делать это приходилось быстро и украдкой, пока не видела мама. Она у нас, знаете ли, очень строго следит за тем, как мы ведем себя за столом. Мама постоянно пристает к нам со своими придирками — сиди прямо, не греми ложкой, когда зачерпываешь из миски кукурузные хлопья, и так далее. Сегодня Джоди после маминых замечаний нарочно сторбилась еще сильнее, и начала стучать ложкой по фарфоровой миске так, что того и гляди расколет ее. Тогда мама схватила Джоди за плечи и начала трясти.

— Опять ты изводишь меня, упрямое маленькое ничтожество! — цедила мама, встряхивая Джоди на каждом слове — *трях, трях, трях!*

Джоди напрягла плечи, а голова ее резко качалась то вперед, то назад.

— Прекрати, ты делаешь ей больно, — встревожился папа, опуская свою «Дейли Экспресс».

— А мне не больно, — выдохнула Джоди, продолжая мотать головой, и вдруг запела припев из одной старой жутковатой песни — «Богемной рапсодии» Квинов¹: — Мама-а, ду-ду-ду-ду, — ну, то самое место, где все начинают раскачиваться и размахивать горящими зажигалками.

— Прекрати паясничать! — крикнула мама. — Считаешь, что это забавно?

А папа вдруг начал хохотать и тоже трясти головой.

— Ты взаправду чокнутая, Джоди, — сказал он.

— Прекрати ее поощрять, Джо, — рассердилась мама. — Почему ты всегда становишься на сторону Джоди?

— Потому что я папина дочка, — ввернула Джоди и захлопала папе своими ресницами.

Что верно, то верно. В последнее время Джоди постоянно влипала в неприятности, потому что прогуливала школу и поздно возвращалась домой. Мама могла трясти ее сколько угодно, могла голову оторвать, но сладить с Джоди ей было не под силу. А вот папа иногда мог заставить Джоди и понуриться, и даже заплакать оттого, что она доставляет им с мамой столько хлопот.

При этом папа никогда не говорил о Джоди ни единого дурного слова.

Вот и сейчас он сказал:

— Это не ее вина. Хорошо, согласен, она всегда была слегка упрямой, но в общем-то она очень добрая малышка. Просто сейчас попала в дурную компанию, вот и все. А так она ничуть не хуже своих подружек по школе.

— По школе! Конечно! — продолжала бушевать мама. — Муркрофт — дрянь, а не школа. Ничему хорошему детей там не учат. Они растут настоящими дикарями. Половина из них уже имели неприятности с полицией. Это была наша самая большая в жизни ошибка — отправить Джоди в эту школу. Нашу дочь ждут большие, очень большие неприятности. Ты только посмотри на нее! На кого она похожа?

---

¹ Песня «Bohemian Rhapsody» группы Queen. На русский язык часто ошибочно переводится как «Богемская рапсодия».

А по-моему, Джоди прекрасно выглядела. Раньше у нее были какие-то серенькие, мышинные волосики, заплетенные в жиденькие косички, а сейчас она покрасила их в темный оранжево-красный цвет с золотистыми кончиками — загляденье! И больше не заплетает косички, а завязывает волосы в чудесный конский хвост, а спереди носит челку, которую сама же и подстригает. Папа говорит, что Джоди похожа на банку с мармеладом, и шутит, что намажет ее как-нибудь себе на бутерброд, когда она отвернется. Мама же считает, что Джоди загубила свои волосы и теперь выглядит грубой и вульгарной. Джоди была в восторге, когда это услышала. Ей очень хотелось выглядеть грубой и вульгарной.

Джоди долго упрасивала маму разрешить ей сделать пирсинг на торчащих из-под волос ушах.

Мама ни за что не соглашалась, но в последний год Джоди совершенно вышла у нее из-под контроля и проколола уши без спросу. И не раз. Сейчас у нее в одном ухе было целых пять маленьких колечек.

— У тебя в ушах теперь больше дырочек, чем в дуршлаге, — заметил по этому поводу папа.

Мама же от каждой новой дырочки готова была сойти с ума.

— Да ладно, будет тебе, — успокаивал ее папа. — Это всего лишь маленькие симпатичные сережки. Это же не кнопка в носу и не тату.

— *Пока что*, — шепнула мне Джоди.

А насчет тату она уже ходила в салон, но там сказала, что она еще слишком мала. Тогда Джоди моими фломастерами нарисовала у себя на руках и ногах бабочек, и дроздов, и цветочные гирлянды. В нижнем белье, со своими красно-золотыми волосами, кольцами в ушах и фальшивыми тату моя сестра выглядела просто потрясно, но вот верхняя одежда у нее была в основном такой же скучной и девчоночьей, как у меня. На свои карманные деньги Джоди мало что могла купить. Так что одежду нам покупала мама — на свой вкус, разумеется. Папа мог бы дать Джоди денег, но не решался из-за мамы.

Тогда Джоди наплела ему про свои неудобные школьные ботинки, которые натирают ей ноги, и папа дал ей сорок фунтов, чтобы она купила себе новые. И Джоди купила свою первую пару *настоящих* туфель — потрясающих, сверкающих, красных, на высоких каблуках — и цокала в них по дому, сияя от счастья. Мама была вне себя от ярости. Джоди дала мне примерить эти туфли. Каблуки оказались такими высокими, что я сразу же грохнулась и подвернула лодыжку, но это ерунда. В них я чувствовала себя Дороти, щеголяющей в своих рубиновых туфельках по страницам «Волшебника из страны Оз».

Сегодня утром Джоди была в корявых школьных башмаках и серой форме школы Муркрофт. Она сделала все возможное, чтобы как-то улучшить ее вид, — до предела укоротила юбку и приколола разноцветные значки к блейзеру. А еще нарисовала фломастером маленькие фигурки мультяшных героев на школьном галстуке. Мама начала было ворчать по поводу испорченного галстука, но вдруг замолчала, услышав, как звякнула крышка нашего почтового ящика.

— Почта, Перл. Пойди принеси ее, детка.

Перл — это я. Мое имя означает «жемчужина». Когда я родилась, мама стала называть меня своей чудесной маленькой жемчужинкой, а потом мне дали это имя. Я появилась на свет недоношенной и первый месяц своей жизни провела в специальном инкубаторе. Весила я всего один килограмм и была такой маленькой, что, когда меня разрешили брать на руки, умещалась на одной папиной ладони. Родители очень беспокоились насчет того, как меня воспримет Джоди. Она была в то время маленькой девчонкой-сорванцом, то и дело отрывала головы своим куклам и пинала своих плюшевых мишек — но ко мне всегда относилась очень внимательно и нежно. Осторожно брала меня на руки, целовала мой крошечный сморщенный лобик, гладила мои мягкие жиденькие волосики и говорила, что я самая лучшая младшая сестренка на всем свете.

Я открыла почтовый ящик. Пришел каталог для мамы (она выписывала их все подряд — каталоги одежды, мебели, декоративных тарелок, копии фарфоровых кукол, одним словом, всего, что, по ее мнению, могло бы украсить наш дом и придать ему больше «шика»), и еще в ящике было письмо, адресованное мистеру и миссис Уэллс (это папа и мама). Настоящее, солидное письмо в конверте, а не какой-нибудь склеенный по краям счет.

Интересно, кто бы мог прислать им это письмо? Хотелось надеяться, что это не письмо от директора школы Муркрофт с жалобами на Джоди. Я знала, что раз-другой ее засекали, когда она курила со своими подружками, а еще они частенько удирали из школы во время ланча, чтобы купить чипсов, после чего редко удосуживались вернуться на уроки. На самом деле Джоди не нравилось курить, об это она сама мне говорила. От табачного дыма ее мутило и у нее кружилась голова. Еще Джоди призналась, что школьные чипсы лучше покупных — бледных, жирных, в пластиковых пакетиках, но она не хотела отставать от своих подружек, Мэри, Сиобан и Шейнис. Это три самые отъявленные оторвы в классе, где училась Джоди. Если они были на твоей стороне, можешь ни о чем не заботиться.

— Перл? — позвала меня мама.

Я сжала конверт в пальцах, прикидывая, нельзя ли сунуть его под школьный свитер, чтобы сначала распечатать над паром и прочитать вместе с Джоди. Но тут в холле появилась мама и увидела письмо раньше, чем я успела его спрятать. Она лишь мельком взглянула на каталог, хотя это был каталог ее любимых эмалированных расписных коробочек, сразу же схватила письмо и сунула палец под заклеенный край.

— Это и для папы тоже, — поспешно заметила я. Если это неприятное письмо, пусть его лучше прочитает папа, он всегда относился к Джоди мягче, чем мама.

— Тут написано «мистеру и миссис Уэллс», — возразила мама, распечатывая конверт.

В конверте было письмо и что-то вроде буклета. Я присмотрелась и успела прочитать слова «школа-интернат». Мое сердце забилося. Школа-интернат, школа-интернат, школа-интернат! О боже, они, кажется, намерились отправить Джоди в школу-интернат! Я этого не перенесу.

— Нет, мама! — воскликнула я пискнувшим от волнения голосом.

Мама тем временем внимательно читала письмо, слегка покачивая головой.

— Что — нет? — пробормотала она, продолжая читать.

— Не отсылайте Джоди из дома! — сказала я.

Мама посмотрела на меня и удивленно моргнула.

— Не говори глупости, — сказала она, возвращаясь с письмом на кухню. Там она помахала письмом перед папиным лицом и сказала: — Смотри, Джо, смотри! Здесь все написано — черным по белому!

— Чтоб мне провалиться! — ахнул папа.

— А что я тебе говорила? — торжествующе воскликнула мама.

Джоди отодвинула в сторону миску с хлопьями и поднялась из-за стола, надеясь, что этого никто не заметит.

— А ну сядь на место, Джоди, — сказала мама.

— Я в школу опоздаю, — ответила Джоди.

— Сейчас это неважно, — одернула ее мама. — *Сядь на место!* И ты тоже, Перл. Нам с папой нужно вам что-то сказать.

— Что еще? — спросила Джоди, неохотно присаживаясь на краешек своего стула. — Что вы разводитесь?

— Глупости не говори!

— У вас будет ребенок?

— Замолчи! Закрой наконец свой рот, хоть на пару секунд!

Джоди состроила гримасу, показывая, как сильно она сомкнула губы. Я повторила за ней то же самое.

— Перестаньте обезьянничать за своей сестрой, мисс! — вспыхнула мама. — Джоди, постыдись, какой